

Часть II

В войну я был еще совсем маленьким, но, как и все дети войны, уже многое понимал. Я на всю жизнь запомнил эвакуированных в глухую башкирскую деревушку интеллигентнейших старух и их интеллигентнейших дочерей с детьми. Детей надо было хоть как-то спастись от голода и хоть во что-то одевать.

Я видел, как эти еще совсем недавно холеные женщины боролись с жизнью. И при этом некими немислимыми усилиями сохраняли в себе изящество души и статус культурного человека. Но самое поразительное, что при всей этой их непостижимой твердости они сберегали в себе светлую беззащитность интеллигентной женщины.

Вот такова и Ольга Петровна в исполнении Наталии Рязановой. Я говорю о спектакле в Российском Академическом молодежном театре по пьесе Евгения Шварца «Одна ночь». Действие происхо-

Часть I

Если я не ошибаюсь, наш Театр решил отправиться по пути нашей Экономки. То есть в ту же сторону.

В Экономике заводы стоят, а в расплодившихся банках — пиршество финансов. На Театре зрительные залы пустуют, а на презентациях — пиршество всевозможнейших премий. То есть премий нынче так много, что претендентов, видимо, стало не хватать. Кому-то уже приходится давать подряд по второму разу.

Вег. Москва. - 1995 - 8 июля. - е. 2

Жюри и «жюризмы»

Опус в 3 разных частях

И где-то в глубине души я не против. Чего плохого в прелестных яствах, которые раздают сразу после раздачи премий. Жаль, что не на вынос. Есть надо здесь же. А то и семья могла бы с аппетитом порадоваться за лауреатов.

Вы интересуетесь: но как узнать, кому давать премию, а кому не давать? Это же, дескать, очень сложно! Да сложно, если бы не было жюри.

Созывается жюри из театральных критиков, которые лично знают всех знатных артистов, все знатные театры. И вот садится жюри вокруг стола и распределяет. Одного награждают за то, что опять очень уж хорошо сыграл роль; второго за то, что тоже очень хорошо сыграл роль, но давно; третьего за то, что собирается хорошо сыграть, но может не успеть; ну а четвертого за то, что в тот раз ничего не получил.

Все примерно так и происходит. Сам однажды в таком почтеннейшем жюри восседал. Помнится, предложил весьма талантливого актера, но не из запроходованной когорты. И вы знаете, ему дали премию. Возможно, из-за нахлынувшего вдруг на жюри сострадания к моему трогательному представлению о том, как «делают лауреатов».

А теперь пришло еще и новое веяние. Жюри стали составлять «независимое» — «из народа». То есть вы можете быть кем угодно — знатным экономистом, гениальным флейтистом, да хоть валютным дантистом-протезистом. Требуется лишь одно совершенно необходимое условие — как можно меньше знать о Театре. Вот это и называется «независимое мнение».

Нет, раньше вы тоже иной раз наведывались с супругой в театр, но, заплатив, по понятным причинам, за билет. Теперь то же самое, однако бесплатно. Правда, вас некто (!) посылает на совершенно определенный спектакль и подробно намекает, чем этот спектакль лучше других спектаклей. Других, которые вы не видели и никогда не увидите. И, конечно, вам больше понравится спектакль, который вы видели, чем спектакль, который вы не видели. То есть ваше мнение о спектакле, который вы видели, от мнения о других спектаклях, которые вы не видели совершенно не зависит. Вот отсюда и название — «жюри с независимым мнением».

Всевозможные театральные жюри всевозможных театральных конкурсов включились в некий хоровод с заведомо известными притопами и прихлопами. Вот почему однажды я почти точно заранее угадал, кто станет лауреатом. И для этого мне вовсе не понадобилось проделывать, казалось бы, положенный для жюри адский труд — просмотреть огромное количество спектаклей в огромном количестве театров.

Вот почему «жюризмы», или, иными словами говоря, таинственные решения жюри, не дают представления о расположении звезд в судьбах наших актеров. Это очень плохо, когда вычурные театры и богатые спектакли застят глаза. И тогда мы причиняем необратимые огорчения прекрасным, неслучным театральным удачам, то есть иным прекрасным актерам и их прекрасным режиссерам.

Тому достаточно примеров. Приведу лишь один.

дит в Ленинграде во время блокады. Спектакль честный, горький, добрый. Что вполне естественно для драматурга Евгения Шварца и режиссера Алексея Бородин. Это несомненно хороший спектакль. Но сказать я хочу лишь об одной актрисе, которая в нем участвует. Уже названной мною выше Наталии Рязановой в роли Ольги Петровны. Присутствующие на спектакле зрители словно настораживаются, еще только услышав ее голос в далеких кулисах. Ее чуть мерцающий, волшебный голос, который будет нас неким музыкальным соло сопровождать весь спектакль.

И вот появляется она, эта пигалица, в какой-то немислимой довенной шляпке, которую поминутно поправляет пальчиками, вовсе не прихорашиваясь, а как бы приводя себя в должный вид. Мне не хватало на этой шляпке крошечной вуалетки. У моей мамы на шляпке вуалетка была.

Ведь в чем сложность для актрисы. В этой пьесе абсолютно все персонажи — очень хорошие люди. Я знаю только двух драматургов, которые могут себе это позволить — Евгений Шварц и Александр Володин. Так даже среди сугубо хороших персонажей Ольга Петровна очаровывает тихой нотой хрупкой, но несгибаемой доброты. Господи, она о себе говорит: «Я ведь была очень добрая». И при этом делится с незнакомой женщиной своей блокадной пайкой. Остатнее она, завернув в чистенькую, стираную салфеточку, относит ввучке.

И еще — ее все запоминающий взгляд. понимаете, она как бы фиксирует в душе каждого человека. Для нее это важно, навсегда важно. Она, угасающая блокадница, нежна к людям. Я запомнил ее крошечные, тонкие пальчики (их видишь, их чувствуешь из зрительных рядов), которыми она словно прикасается к ранам человека. И человеку оттого легче. Скорее всего она погибнет. Кто-то благодаря ей выживет.

Эта роль — несомненное событие в минувшем театральном сезоне.

Часть III

Конечно, вы можете поставить меня на место. Дескать, нельзя же помещать в номинации конкурсов спектакль или роль только потому, что мне понравилось. Конечно, нельзя! Но в данном случае совсем по другой причине.

Этот спектакль или эту роль просто невозможно было выдвинуть. Я бы даже сказал, некому.

У кого только из критиков я ни спрашивал, никто спектакль не видел. Нет, я как раз понимаю. Весь «зрительный зал» расположился в каком-то подвале прямо под кругом главной сцены. Действительно, довольно неудобно. Надо сказать, блокадный Ленинград вообще отличался крайним отсутствием уюта.

И я вполне готов понять критиков, которых в предакшени обильных презентаций насчет шикарных номинаций сюда не тянуло.

Да простит нам Наталия Рязанова! Ну не в премии же, действительно, счастье. Как говорится.

На премьеру в несколько пыльный подвал под кругом главной сцены не преминули спуститься только всего лишь критики Инна Соловьева и Вера Шитова.